

⁶⁶ Садулаев Г. Я — чеченец! С. 170.

⁶⁷ Там же. С. 173.

⁶⁸ Садулаев Г. Пурга... С. 89.

⁶⁹ Там же. С. 82—83.

⁷⁰ Там же. С. 89.

⁷¹ Там же. С. 110—111, 118.

⁷² Там же. С. 118.

⁷³ Герман Садулаев охотно использует терминологию Гумилева и отдельные положения его теории этногенеза. В «Таблетке» он как будто критично и даже иронично высказывается о его работе, однако образ Хазарии в романе Садулаева, несомненно, списан с Хазарии из сочинений Л. Н. Гумилева.

⁷⁴ «Зигзаг истории» отдельной главой вошел в монографию Л. Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая степь» и в сборник статей «Этносфера: история людей и история природы». См.: Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 121—217; *Его же*. Этносфера: история людей и история природы. М., 1993. С. 366—478.

⁷⁵ Проханов А. А. Господин Гексоген. М., 2002.

⁷⁶ Садулаев Г. Таблетка. С. 58.

⁷⁷ Там же. С. 105.

⁷⁸ Там же. С. 64.

⁷⁹ Там же. С. 75.

⁸⁰ Садулаев Г. Пурга... С. 172.

⁸¹ Садулаев Г. Апокрифы... С. 32, 37—38.

Л. П. Черникова

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКИ)

В Китае издавна существует традиция изучения истории отношений с Россией, так что образованные круги всегда были более-менее информированы о ней. Однако такой информации часто не хватало среди простого китайского населения, и это привело к широкому бытованию поговорки: «в верхах — горячо, а в низах — холодно», т. е. верхи всегда легко могут договориться, тогда как среди населения изменения курса не всегда понятны и объясняемы.

Среди представителей различных общественных слоев китайского населения в отдельные периоды российско-китайских и главным образом советско-китайских отношений широко распространялось разное (нередко контрастное) восприятие России (и Советского Союза). Нам хотелось выявить причины относительной живучести ряда недружественных России стереотипов в сознании отдельных представителей китайского народа, изложить взгляды китайских историков в определенной хронологической последовательности, сделав акцент на историографии 1990—2000-х гг.

Как отмечают сами китайские ученые¹, 1980-е гг. стали «прорывом» в исторических исследованиях:

- расширился круг научных тем;
- в исторической науке произошел переход «от абстрактного к конкретному» в изучении отдельных событий и явлений;
- такая новая тематика, как «История русской эмиграции», стала разрабатываться в русле изучения «Истории регионов КНР».

Перед китайскими учеными была поставлена задача — новыми исследованиями обогатить содержание истории Китая, вернуть утраченные страницы истории страны. Все это вызвало повышенный интерес к изучению истории КНР не только со стороны историков, но и политиков, и экономистов. Как полагается, все эти тенденции были закреплены в партийных документах. Одновременно с демократизацией жизни в историческом пространстве шел процесс перевода архивных документов из спецхрана в открытый доступ. Тогда же появился интерес к истории российской эмиграции в Китае (совершенно новое направление), которое стало разрабатываться в русле изучения «Истории регионов КНР».

По истории эмиграции наиболее интересные и разрабатываемые темы:

- политика царской России в Китае в конце XIX — начале XX в.;
- присутствие иностранного, в том числе русского, капитала в Китае;
- строительство КВЖД и ее роль в хозяйственно-экономическом освоении Маньчжурии².

Запрещенные работы:

Ляо Гайлун. Эпоха больших беспорядков (1949—1989 гг.). Б. м. : Народное издательство провинции Хэнань, 1988. 648 с. Тираж 1000 экз. Весь тираж изъят цензурой;

Цзинь Чуньмин. набросок к истории культурной революции в Китае. Б. м. : Сычуаньское народное издательство, 1995. 521 с. Весь тираж изъят цензурой.

Подоплека запретов: «Сомнение — червь, подтачивающий идеи изнутри. Отрицание определенных периодов истории опасно для сплоченности нации» (Дэн Сяопин). Поэтому официальное развенчание культа личности Мао вряд ли возможно.

В современной китайской историографии продолжают сохраняться стереотипы времен борьбы Китая против колониальной экспансии. Частью такого стереотипа является тезис о том, что к России отошли китайские территории. Эта версия продолжает присутствовать как в научной литературе, так и в школьных и вузовских учебных пособиях. Концептуальные построения китайских историков были рассмотрены и подвергнуты убедительной критике в ряде достаточно известных публикаций российских ⁴«Итаистов»³. И это — предмет длительных споров и концептуальных несоответствий между китайскими и российскими историками.

Многие работы китайских историков написаны в русле «раздела Китая» на сферы влияния империалистическими державами с участием России как государства, проводившего агрессивную политику по отношению к Китаю.

Монографии:

1. Су Цзунминь. История Южно-Маньчжурской железной дороги. Чаньчунь, 1990. 897 с.;

2. Синь Пэйлинь, Чжан Фэнмин, Гао Сяосань. История освоения пров. Хэйлунцзян. Харбин, 1999;

3. Колл. авт. Ша Э цинь хуа ши (История агрессии царской России в Китае). Пекин, 1990. Ч. 4. 532 с.

В этих работах — процесс «проникновения» или «вторжения» царской России в Китай, рассматривается роль русских людей в освоении Маньчжурии.

Статьи:

1. Лан Вэйчэн. Борьба между Японией, США и Россией за Маньчжурию до и после Первой мировой войны // Цзилинь шида сюэбао. 1979. № 4. С. 56—61;

2. Ли Аньци. Коварные замыслы царской России по захвату Китайской Восточной, Луханьской и Чжэнтайской железных дорог, 1895—1898 // Цзилинь дасюэ бао. 1979. № 3. С. 73—78;

3. Дуань Гуанда. Сравнительный анализ истории колонизации Ляодунского полуострова и полосы отчуждения КВЖД царской Россией // Бэйфан взэньу. 2001. № 2. С. 93—97.

Эти работы посвящены рассмотрению «сфер влияния» царской России и других иностранных держав в Китае, особенно в пределах Маньчжурии.

Сохраняются также стереотипы периода борьбы гоминьдановского правительства против «коммунистической угрозы», драматических, если не трагических, лет китайско-советской конфронтации. И это — предмет длительных споров и концептуальных несоответствий между китайскими и российскими историками. Дальнейшая история взаимоотношений наших стран в китайской историографии также подается своеобразно, см.:

Хуан Лифу (науч. сотрудник Ин-та всемирной истории АОН КНР, зампред Китайского общества по изучению истории СССР и стран Восточной Европы). Обзор китайских исследований по истории России в столетней перспективе (на основе фондов Государственной библиотеки Китая) // ПДВ. 2008. № 5. С. 89—98;

Ван Мэн. Воздаяние Советскому Союзу. (К алтарю Советского Союза). Миф об образе одного государства // ПДВ. 2008. № 2. С. 161—173.

Жгучий интерес в КНР вызвала перестройка М. С. Горбачева, что привело к встрече глав государств и в конечном итоге способствовало гармонизации отношений. Последующий кризис советской системы и развал СССР способствовали новому буму исторического интереса к процессам в России. В КНР было создано несколько влиятельных и авторитетных Русских центров, которые должны были изучать явления в СССР — России с тем, чтобы не допустить повторения подобных событий при демократизации

общественной жизни в КНР. Эти центры выпускают журналы, дайджесты, их специалисты — историки и политологи — выступают в широкой прессе, на ТВ и радио⁴.

Для этих центров, особенно в первое время, был характерен отраженный взгляд американских советологов на Россию (в связи с буквальным калькированием текстов с американских и европейских аналитических сайтов, посвященных событиям в России). Лишь с накоплением опыта и постепенной корректировкой партийной линии в отношении России (а также в связи с событиями 11 сентября) наметился крен к более взвешенным оценкам событий прошлого и настоящего в отношениях между нашими странами⁵.

На наш взгляд, интересный историографический анализ современного состояния исторической науки КНР и тех аспектов, которые она изучает, содержится в китайском выпуске Московского центра Карнеги⁶. Здесь есть глубокий историографический обзор — панорама политических, исторических, политологических, социологических, культурологических, религиоведческих работ и идеологических исследований современных китайских ученых. Не только по отношению к России, а вообще — каковы реалии и перспективы в отношении развития китайского общества, КПК, внешней политики, баланс сил в АТР и мире.

Хотела бы обратить внимание исследователей на сборник статей «Образ Китая в современной России», где печатаются исследования российских и китайских ученых по китайской историографии. Эта работа вышла с пояснением на титуле: «Некоторые проблемы китайской истории и современной политики КНР в исследованиях российских и зарубежных ученых», где представлены оценки китайских исследователей уровня китайско-российского сотрудничества на современном этапе и в исторической перспективе (Ван Ци, Ху Сяньчжан, Чжоу Юндуна)⁷. А наибольший интерес в свете представляемой темы являются обзоры известного российского ученого РАН А. С. Ипатовой «О некоторых новых направлениях и тенденциях в исторической науке КНР (1980-е годы — начало XXI в.)» и ответственного редактора сборника Н. Л. Мамаевой «Новые подходы в исторической науке КНР при освещении истории Китайской Республики (1911—1949 гг.)» (с. 260—285).

В то же время нельзя воспринимать труды современных китайских историков столь же прямо и однозначно, как, скажем, работы европейцев или американцев. Любой процесс или явление в Китае воспринимается с сильнейшей специфической окраской, что объясняется иной традицией — исторической или методологической (так называемый «акцент восприятия»), связано ли это с социализмом, реформами, капитализацией или чем-то иным и имеет влияние на дальнейшую аналитику китайской исторической мысли. На наш взгляд, имеет смысл вводить погрешность «на местную специфику», чтобы избежать искушения напрямую делать выводы о тех или иных тенденциях в исторических умозаключениях китайских ученых.

Хотелось бы также отметить интересную последнюю работу акад. С. Л. Тихвинского «Восприятие в Китае образа России», по сути, это зеркальное отражение темы сквозь призму китайского восприятия⁸. В работе (гл. 3) исследуется восприятие Советской России (Советского Союза) правительствами и общественностью Китая (1917—1949), в главе 4 — влияние на Китай русской и советской литературы. Еще одна глава (гл. 5) посвящена опыту общения китайцев с россиянами в Китае в период пребывания там российской эмиграции (1919—1949), однако как раз об эмиграции ни слова (как будто ее там и не было). Книга отражает ярко выраженную советскую официальную историческую линию, является примером четко обозначенной гражданской позиции автора, воспитанного на принципах пролетарского интернационализма. Это ничуть не обедняет фактов, которые излагаются в сугубо личном авторском восприятии, заставляет уважать позицию автора.

За последнее время появился значительный массив работ, посвященных российской эмиграции, среди них монографические исследования и коллективные работы (У Вэньсянь, Чжан Сювань, 1993; Ши Фан и др., 1998; Ван Чжичэн, 1993; Ли Сингэн, 1997; и др.); статьи (Ли Шилян, 1994; Ши Янь, Сунь Гуанмэй, 1997; Жао Ланлунь, 2000; и др.), посвященные взаимоотношениям России и Китая, в том числе истории КВЖД, Харбина и русской эмиграции в Китае. Традиционно широко в китайской историографии представлена японская колонизация северо-восточного Китая.

За последнее десятилетие опубликовано несколько монографий по истории Маньчжоу-го (Сунь Банчжу, 1993; Гао Лэцай, 2000). В целом для китайской историографии характерна негативная оценка последствий как российской, так и японской колонизации.

Работы китайских историков, как правило, основаны на обширной источниковой базе, что позволяет существенно расширить тематику исследования, сопоставить оценки масштабов миграции на Северо-Восток Китая с позициями российских и западных историков, более основательно изучить демографическую структуру эмигрантских колоний, правовой статус и основные направления экономической, политической и культурной деятельности мигрантов.

Исследование Ван Чжичэна построено преимущественно на русскоязычных материалах, в том числе эмигрантской и иностранной периодике г. Шанхая. В работе анализируются также статистические отчеты китайских морских таможен и Главного полицейского управления Особого района восточных провинций о численности иностранного населения. В 2008 г. эта работа была переведена на русский язык и вышла в издательстве «Русский путь» тиражом 2 000 экз.

В целом, если делать общий обзор китайских исследований по тематике, он охватывает все сферы человеческого бытия — от древности до сегодняшнего дня и изучает самые разные процессы мировой истории, политики, экономики и культуры. Если же брать лишь российское направление исследований, отсылаю читателей к работе Хуан Лифу, о которой упоминалось выше. Исследовательница взяла фонды государственной библиотеки Китая и проанализировала их, разбив на определенные четко выраженные исторические периоды и отметив время появления наибольшего объема печатной продукции (статей и монографий) по истории России — СССР — России. Так, исследователь отмечает: в 1920—1930-е гг. гоминдановская историческая наука обращается к опыту СССР в индустриализации, изучает причины и методы быстрого прорыва СССР в число индустриальных держав Европы. 1930-е гг. называются пиком интереса к изучению СССР, именно тогда появляются переводы и исследования по проблемам

российской/советской истории, политики, экономики, культуры, социологии, дипломатии, военного дела и др., причем за указанный 10-летний период этот объем печатной продукции составил около 50 % всей соответствующей литературы за предыдущие 50 лет! При этом в исследованиях по проблемам СССР приняли участие многие известные деятели, даже те, кто не был специалистом в данной области. К тому же в 1930-е гг. также были изданы в переводах с английского, немецкого, японского языков зарубежные исследования, главным образом, труды по экономике и вооружению СССР.

В 1930—1940-е гг. публикуются в первую очередь работы, знакомящие с историей России: Лоу Чжуансин. История России (1935); Ба Цзинь. История общественных движений России (1935); Гу Гуи. Очерки истории России (1935); Хэ Ханьвэнь. История китайско-русской дипломатии (1935); Хэ Ханьвэнь. История России (1939; сер. «Библиотека студента»); Чжоу Чуаньжу. История освоения Сибири (1943).

Вообще в первой половине XX в. китайские ученые переводили на родной язык и изучали работы западных и российско-советских авторов и значительно продвинулись в изучении своего северного соседа. По неполным подсчетам, переводные издания в 1,4 раза превышали количество оригинальных исследовательских работ. В целом в данный период внимание сосредотачивалось на пограничных вопросах, региональных проблемах России/СССР, вопросам китайско-российских и китайско-советских отношений и т. д. Большинство работ носило ознакомительный характер.

Уже в конце 1940-х гг. тематика исследований и их характер обусловили интерес 1950-х гг. к истории СССР. Выходят такие работы, как «Каким образом СССР так усилил свою мощь?» (1947) и «Общество и государственный строй СССР» (1948) и др. То есть внимание китайских ученых обращено к новой общественной системе в решающий период борьбы двух политических систем — социализма и капитализма.

В 1950-е гг. СССР рассматривался в контексте формулы «СССР — наш учитель», «Старший брат» и т. д. С энтузиазмом перенимался опыт Советского Союза. Тогда произошел второй

большой подъем (после 1930-х гг.) интереса к исследованиям советской истории. За эти 10 лет изданные работы, включая переводную литературу, составили 60 % всех изданий, выпущенных с 1950 по 1980 г. И здесь переводная литература сохраняла важное место: издано было более 110 различного рода брошюр, литературы по России и СССР, в то же время самостоятельных работ было издано 80. В этот период были завершены переводы 13-ти монографий по российской/советской истории, в том числе многотомного труда «История СССР» под ред. М. В. Нечкиной, «Курс истории СССР» под ред. А. М. Панкратовой и др. Эти переводы заложили прочную научную базу для систематизации представлений о России/СССР, основу для глубокого понимания истории страны и для подготовки большой группы китайских историков — специалистов по России/СССР.

С 1960—1970-х гг., в условиях полемики и пограничного конфликта между Китаем и СССР и, особенно, «культурной революции», значительно уменьшилось число изданий по российской/советской проблематике. Основное место среди них заняла критика советского ревизионизма и «царской агрессии». В эти годы выходят такие работы, как «История агрессии царизма в Китае» (1979), «Агрессия и экспансия царской России» (1979), «Экономика советского социалистического империализма: статистика и комментарии» (1977) и др. Разумеется, они несли на себе печать настроений тех лет, когда идеологическая полемика между СССР и КНР переросла уже в пограничный конфликт.

В 1976 г. закончилась «культурная революция». В 1978 г. был взят курс на реформы и открытость, благодаря чему произошло оживление во всех сферах, в том числе и в исследованиях по российской/советской проблематике. В то время китайское общество надеялось почерпнуть полезный опыт из истории реформ в СССР.

В 1980-е гг. наблюдается третий пик интереса к истории России/СССР. Ведущей силой этого периода стали ученые — выпускники советских вузов 1950-х гг., а также выпестованные новым социалистическим Китаем специалисты, находившиеся в расцвете творческих сил. В этот период выходят такие работы, как «История Октябрьской революции» (1980), «Краткая история по-

корения Россией Сибири» (1984), «Общая история России, краткое изложение» (1986), «Троцкий — биография с комментариями» (1986), «Краткая история народов Сибири» (1987), «Биография Бухарина» (1988), «История СССР: 1917—1937 гг.» (1991), «История Сибири» (1991) и др. Это первые объемные труды китайских ученых, вышедших со времени создания КНР.

Распад СССР в 1991 г. и массовое рассекречивание исторических архивов 1992 г. оказались большим толчком для исследований по истории СССР. Оба этих события повлекли за собой изменения в теории и методологии, в источниковой базе, проблематике исследований и историографической работе. Тем не менее Китай по-прежнему продолжал следовать курсу на социалистические преобразования, китайское общество продолжало интересоваться Россией и происходящими в ней сдвигами и изменениями.

В содержании научных работ с середины 1990-х гг. появились некоторые новые особенности. Были опубликованы комплексные исследования за предшествующие десятилетия: «Политико-экономический строй СССР за 70 лет» (1991), «Исследования по проблемам крупных перемен в Советском Союзе» (1995), «История роста и гибели СССР» (1993). Все эти работы подытоживали опыт реформ в СССР и уроки гибели КПСС, и они были знаменательными для китайской науки, стремившейся помочь стабильному движению китайских реформ.

КПК внимательно отнеслась к урокам событий 1991 г. в СССР, и одной из главных тем стали обобщенные исследования, выявлявшие причины кардинальных перемен в политическом строе страны. В 1990-е гг. получили развитие проблемы тематической истории и истории регионов. Начиная с 1996 г. выходят в свет монографии, посвященные культуре России, истории кадетской партии, церковной реформе, системе функционирования культуры СССР, проблеме принятия решений в высших эшелонах власти, по историографии, экономике восточной части России, истории китайско-российских торговых отношений. Тематикой докторских диссертаций становятся: история РСДРП, Государственная Дума, воззрения славянофилов, русская крестьянская община, история русского зарубежья и многие другие.

Все эти работы стали вехой, обозначившей переход от общих направлений к специализированным исследованиям. Одновременно в ключевых темах исследований и выводах появилась тенденция к большему плюрализму мнений.

Начиная с 2000-х гг. китайские историки все активнее стали стремиться к сближению с передовой международной исторической наукой. Появились более тесные международные контакты, мировая сеть Интернет. Благодаря этому китайские историки могут следить за новыми достижениями в изучении истории России. А учитывая реалии своей страны, историки могут одновременно корректировать направления собственных исследований. Здесь можно проследить несколько приоритетных направлений:

1) часть китайских историков продолжает делать акцент на вопросах сталинской политико-экономической системы, политических репрессий и чисток, причинах распада СССР. Эти исследования обычно вызывают активную полемику как в академической исследовательской среде, так и широко в обществе. Дело в том, что эта тематика вольно или невольно заставляет обратиться к таким же трагическим страницам китайской истории, приводит к историческим аналогиям и сравнительным обобщениям. Для властей эта тематика нежелательна или она обрастает таким количеством условных допущений, оговорок, дополнений к объяснениям, что разобраться в витиеватых выводах и целях ученых довольно трудно;

2) другая часть исследователей стремится, чего не было прежде, расширить горизонты исследований, пытается разобраться в таких сугубо специфических проблемах, которые и в России не всем доступны. Это такие темы, как истоки русской нации, пути модернизации России, история различных современных политических партий и биографии их лидеров, судьбы русской интеллигенции, история политической мысли, социальная структура СССР, национальные проблемы и национальная политика СССР, миграция и освоение Сибири и восточной части России, собственно проблемы миграции вообще, народные волнения в СССР (выступления советского народа), советские диссиденты, война в Чечне, проблемы современной молодежи и молодежные движения, линг-

вокультурологические аспекты изучения современного русского языка, исследования ментальности и влияние на нее исторических контактов и многое другое.

В 1990-е — начале 2000-х гг. китайские историки своевременно использовали возможности доступа к рассекреченным советским архивам для расширения источниковой базы и в 2002 г. выпустили 36-томное издание «Избранные материалы рассекреченных советских исторических архивов». По неполным подсчетам, период 2000—2005 гг. стал рекордным по количеству изданий, посвященных исследованиям истории России/СССР за пятилетие. Однако в целом продолжает наблюдаться отставание китайской исторической науки от передового международного уровня, пока что крайне недостаточным выглядит знакомство с состоянием западной исторической науки.

¹ Чэнь Дунлинь. Прошлое и современное состояние изучения истории КНР // ПДВ. 2001. № 5. С. 94—107; Ху Чэн. Баши няндай илай чжунго цзиньдай ши яньцзюды чуансинь (Проблема обновления изучения Новой истории Китая с начала 80-х годов XX в.) // Вэнь ши яньцзюды чуансинь. Вэньши чжэ Цзхинань. 1998. № 3. С. 24—31; У Цзяньцзе. Гуаньюй цзиньдай ши яньцзю «синь фаньши» ды жогань сыкао (Некоторые размышления о новой парадигме истории Китая периода Нового времени) // Чжунго Цзиньдай ши (фуинь баокань цзыляо). Пекин, 2001. № 7. С. 113—129; и др.

² См.: Романова Г. Н. Китайская историография об экономических отношениях России и Китая на Дальнем Востоке во второй половине 19 — начале 20 в. Владивосток, 2002.

³ См.: Мясников В. С. Договорными статьями утвердили: дипломатическая история русско-китайской границы XVII—XX вв. М., 1996.

⁴ Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России. М., 2008; Василенко Н. А. История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток, 2003.

⁵ Чжан Линьтао. Проблемы китайско-российских отношений в современной политической мысли КНР : дис. ... канд. полит. наук. М., 2004; Лю Цзайци. Китайско-российские отношения в 1991—2003 гг. (политико-дипломатические аспекты) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.

⁶ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., 2005.

⁷ Образ Китая в современной России. М., 2007.

⁸ Тихвинский С. Л. Указ. соч.